

ВЛАДИМИР СКИФ

КОВЧЕГ ДМИТРИЯ МИЗГУЛИНА

Начну издалека. Со стихами Дмитрия Мизгулина познакомил меня заместитель главного редактора журнала “Наш современник” Александр Казинцев. Если уж вспоминать всё по порядку, то вначале я прочитал подборку стихов поэта и взятое Казинцевым у него интервью (“Наш современник”, 2005 год, № 6), а позже Александр Иванович в своём кабинете на Цветном бульваре подарил мне книгу Мизгулина “География души” со словами: “Стоит с ним познакомиться поближе”. И вторично, через год, сам Станислав Юрьевич Куняев в коротком, но очень важном для меня, да и не только для меня послесловии об авторе из Ханты-Мансийска поведал о том, что Дмитрия Мизгулина как поэта просмотрели, и буквально заставил обратить на него внимание всероссийского читателя (“Наш современник”, 2006 год, №9):

“Когда-то Глеб Горбовский с горечью сказал, вспоминая о “питерском” периоде жизни Николая Рубцова в Ленинграде: “Мы Николая просмотрели”. . . Вот и замечательного поэта Дмитрия Мизгулина мы тоже просмотрели. Не равняя его с Рубцовым, но “всё же, всё же, всё же. . .” Слава Богу, он сегодня в полном здравии и в расцвете творческих сил. Ему в сентябре-месяце исполняется сорок пять лет. Мы поздравляем Дмитрия Александровича и желаем ему не сворачивать с поистине выстраданного поэтического пути. Слово “путь” в данном случае не метафора, а сущность. Некоторые стихи из этой подборки написаны поэтом, когда ему было всего лишь 19-20 лет. Можно только удивляться гармоничному совершенству поэтической речи в таком возрасте и какой-то особенной, природной мудрости. . . Надеемся, что в скором времени мы опубликуем статью, посвящённую творчеству Дмитрия Мизгулина. Слава Богу, нашего полку прибыло. Лучше поздно, чем никогда”.

К слову сказать, наш русский национальный журнал я выписываю многие годы и, естественно, читаю его от корки до корки. Даже в самые тяжкие годы, когда в бездну перестройки рухнула страна, и все мы почувствовали этот свистящий полёт в преисподнюю, почти как у Юрия Кузнецова – “сошествие в ад”, – даже тогда я, фактически не имея заработка и лишних денег, продолжал выписывать “Наш современник”.

В 2005 году, получив шестой номер любимого журнала, я вгрызся, прежде всего, в поэтический раздел. Так уж повелось. Вначале я читаю своих собратьев по цеху, потом публицистику, а затем, простите меня, прозаики, читаю повести или рассказы. Прочитал я Бориса Бурмистрова – поэта из города Кемерово, порадовался его стихам и тому, что обнаружил в Бориной подборке стихотворение, адресованное памяти Юрия Кузнецова, перепечатал его в свою антологию стихов о Юрии Поликарповиче. Я уже давно собираю стихи о Кузнецове. И не только о Кузнецове. Есть у меня такое увлечение: ищу во многих изданиях и собираю антологии стихов о Валентине Распутине, об Александре Вампилове, о Шукшине и о Рубцове. Но не буду отвлекаться. А то полу-

чится, как у Марины Цветаевой: “Поэт издалека заводит речь, поэта далеко заводит речь...”

Следующим в перечне поэтических имён этого номера был доселе не известный мне поэт Дмитрий Мизгулин. Я читал, впившись глазами в его строчки:

*Исчерпан февраль без остатка
До самых последних снегов,
Слабеет привычная хватка
Звенящих морозных оков.*

*Лишь солнце пригреет — синицы
Поднимут неистовый гам,
И отблеск лучей заискрится,
Скользя по лиловым снегам...*

*Но это — лишь завтра. А ныне —
Промёрзшие клочья небес.
И стонет под ветром и стынет
Не к сроку разбуженный лес.*

Сразу обнаружилась ясная, доверительная интонация поэта, его небудничное отношение к слову. Отметил строчку с ненавязчивой звукописью: *И стонет под ветром и стынет*. И тут же, в прошлом — деревенский житель, я порадовался точности описания последнего месяца зимы, его исхода: *Исчерпан февраль без остатка до самых последних снегов...*

Дальше — больше. Вчитываясь в стихи Дмитрия Мизгулина, я понимал, что встретился со стихами настоящего поэта, умеющего и видеть, и слышать не только изменчивую природу, но чувствовать время, его непрерывное движение и зыбкость окружающего мира, человека и страну, её невзгоды и поражения — всё то, к чему равнодушно сердце поэта:

*Давно не пахнет русским духом —
Проветрили насквозь.
Но будь уверен — где-то ухнет
Могучее “авось”,*

*Взовьются зорные метели
В рождественской ночи,
И обезумевший Емеля
Промчится на печи...*

Одно из стихотворений “Какая тишь! В округе...”, короткое и ёмкое, напомнило о том, в каком мире мы живём и куда движемся:

*Шумят морские воды,
Пространства сумрак сжат,
И тени пароходов
У пристани дрожат..
Ржавеют кипарисы,
Мелеет водоём,
Давно сбежали крысы,
А мы ещё плывём.*

По-своему, по-мизгулински автор выражает надежды на русское спасение, поскольку в этом “А мы ещё плывём” чуется: никуда не делся русский дух, и мы никуда не исчезнем, и не только “**мы ещё плывём**”, а наверняка доплывём до русских надёжных берегов.

В представленной метафоре Дмитрий Мизгулин смыкается с Валентином Распутиным. Как ни горько, ни больно звучит в речи Распутина на получении премии Александра Солженицына 4 мая 2000 года мысль о той истаивающей льдине, на которой мы плывём, она, во что бы то ни стало, превратится в Новый Ковчег и достигнет своего Арарата:

“Чего мы ищем, чего добиваемся, на что рассчитываем? Мы, кого зовут то консерваторами, то традиционалистами, то моралистами, переводя эти понятия в ряд отжившего и омертвевшего, а книги наши переводя в свидетельство минувших сентиментальных эпох. Мы, кто напоминает, должно быть, кучку упрямец, сгрудившихся на льдине, невесть как занесённой случайными ветрами в тёплые воды. . . Так чего же хотим мы, на что рассчитываем? Мы, кому не быть победителями. . . Всё чаще накрывает нашу льдину, с которой мы жаждем надёжного берега, волной, всё больше крошится наше уютное судёнышко и сосульчатыми обломками истаивает в бездонной глубине. С проходящих мимо блистающих довольством и весельем океанских лайнеров кричат нам, чтобы мы поднимались на борт и становились такими же, как они. Мы не соглашаемся. Солнце слепит до головокружения, до миражей, и тогда представляется нам, что наша льдина — это новый ковчег, в котором собрано в этот раз для спасения уже не тварное, а засеянное Творцом незримыми плодами, и что должна же быть где-то гора Арарат, выступающая над подобным разливом. И мы всё высматриваем её и высматриваем в низких горизонтах. Где-то этот берег должен быть, иначе чего ради нам поручены столь бесценные сокровища?”

Необоримый, подлинный сын русского народа Валентин Распутин остаётся нашим светочем во всех своих чувствах и гражданских проявлениях, в сердечном бережении русских национальных корней и стремлении спасти родное Отечество. Он — неукоснительный пример для творческого человека.

Мной ощущается, что Дмитрий Мизгулин — рядом. Я это почувствовал сначала в его публикациях, а потом и в книгах, которые у меня появились. Не могли не появиться. И первая из них подтвердила моё суждение о Мизгулине: передо мной — истинный русский национальный поэт с проникновенным, духовным зрением, душевным средоточием и ясной устремлённостью в будущее, которого нет без осознания своего прошлого.

Книгу “География души”, вышедшую в одном из самых известных и почитаемых в стране издательств — “Художественная литература”, — я читал и перечитывал много раз. И всё приближал и приближал к собственной душе многие пронзительные, чистые строки близкого мне по духу поэта:

*Дрожащие тени ложатся
На светлые воды реки,
Опавшие листья кружатся,
Красивы, изящны, легки.*

*И пахнет так резко и странно
От свежей, промёрзшей земли,
И в небе прозрачном, стеклянном
Чуть слышно звенят журавли.*

*И есть ещё время до срока,
Когда загудят провода,
Когда поседет осока,
Когда потемнеет вода.*

Здесь мне дурого чувства и приметы наступившей осени: и небо, подобное моему, и журавли, и осока, и тёмная вода — всё это родное, близкое до боли, всё это у меня тоже есть, и так сердечно соприкасается с музой Дмитрия Мизгулина:

*Звенит надо мною большое стеклянное небо,
Царапает душу колючая, ломкая высь.
Ещё далеко до осеннего первого снега,
А птицы, как пули, уже в никуда понеслись.*

В. Скиф.

(Из стихов, посвящённых Александру Казинцеву)

Постепенно моя библиотека пополнялась книгами Дмитрия Мизгулина, и вот уже одна за другой появились “Новое небо” — почти миниатюрная книжечка-

ка, изданная московским издательством “Сибирская Благовонница”, затем красивая, подарочная книга “Утренний ангел” того же издательства, следующая книга — “Ненастный день” — была выпущена в Томске с послесловием знаменитого критика Льва Аннинского и, конечно же, с тончайшим вкусом оформленная.

Но самая неподражаемая книга — “В зеркале изменчивой природы” в соавторстве с фотохудожником Аркадием Елфимовым — вышла в 2011 году, изданная Благотворительным фондом “Возрождение Тобольска”. Это даже не книга, это совершенное произведение искусства, слиток золота, современный артефакт, уникальность которого неповторима во всех отношениях: книга отпечатана в Италии небольшим тиражом с предисловием блистательного русского поэта Юрия Перминова, продумана и воплощена дизайнером и иллюстратором Василием Валериусом и Полиной Винокуровой, но, прежде всего, эта книга написана сердцем и умом замечательного русского поэта.

Стихи Дмитрия Мизгулина перекликаются с фотоиллюстрациями Аркадия Елфимова настолько гармонично и настолько естественно, что поначалу не верится, что такое возможно. Но, пересмотрев иллюстрации и прочитав стихи, я ещё раз убедился в том, что Аркадий Елфимов — тоже поэт. Ведь некоторые стихи Мизгулина надо было не просто проиллюстрировать, а пережить, вживить в себя, в свои возможности и передать их содержание, воплощённое в цветовую гамму, в восхитительные, порою искромётные, порою сдержанные живописные напевы.

Ну, ладно стихи, к которым по сюжету легко найти фотографию: Рождество, церковь, крыши домов, но бессонница, свет памяти или, допустим, стихотворение “Не хотел бы подводить итоги...” И здесь, в таких смысловых качествах, Аркадий Елфимов оказался тоже на высоте. Все фотоснимки соединены со стихами бережно, мудро, пронзительно. Некоторые из них напоминают картины живописцев, тех же передвижников: Шишкина, Левитана, Саврасова, Поленова, Васнецова, Куинджи, Фёдора Васильева — так они могуче живописны. Вот, например, на странице 162 читаем стихотворение Мизгулина о Боге и душе, о быстротечности воды и жизни:

*Жизнь уходит понемногу.
День прошёл — и слава Богу,
Как вода в реке.
Наши чувства, наши думы —
Словно след волны угрюмой
На речном песке.*

*Грузим душу чем попало.
Очерствела и устала
Бедная душа.
Может быть, остановиться,
Осмотреться, помолиться
Тихо, не спеша?..*

*Молим Бога об удаче,
О достатке. А иначе
Что ещё просить?
А душа? Душа в сомненье,
Ведь пора бы о спасенье
Слёзно голосить!*

*С Богом и легко, и просто!
Лодка. Церковь у погоста.
Тёмная река.
Чайки кружат над водою,
И с тревогою немою
Мчатся облака.*

Сопровождает эти стихи удивительная по цвету и свету, очень точная по соединённости со смыслом стихотворения, ну, прямо-таки поленовская фото-

иллюстрация, похожая на картину великого русского художника-передвижника Василия Дмитриевича Поленова “Заросший пруд”. А стихотворение “Когда едва-едва светает...” проиллюстрировано пейзажем, один к одному напоминающим картину Ивана Ивановича Шишкина “Сосны, освещённые солнцем”.

Мне кажется, что подобные издания становятся не просто библиографической редкостью, они остаются в неизмеримой вечности единственными и неповторимыми.

Но вернёмся к Дмитрию Мизгулину, который, в моём нынешнем представлении его творчества, действительно неразделим с Аркадием Григорьевичем Елфимовым. Недавно я, как удивительную награду, получил в подарок от издателя мирового класса, каким является Елфимов, книги полюбившегося мне поэта Дмитрия Мизгулина: одиннадцать томов его произведений, собранных в одном поставце – белоснежном полуоткрытом футляре – в оформлении художников Ивана Лукьянова и Александра Бакулевского с предисловием поэтессы Нины Ягодинцевой. А может быть, передо мною не мистический, а реальный ковчег из книг, плывущих к моей душе и уносящих меня для полноценного в них обитания?

Читаю первый том необычного собрания сочинений, встречаю те стихи, которые читал и раньше, но читаю как будто вновь:

*Вечер. Дождь. В тумане Малый Невский.
С крыш вода на тротуар течёт...
Отставной поручик Достоевский
По притихшей улице идёт.*

*Боже! Как дождливо в этом мире!
Впрочем, бездна всё-таки без дна.
Может, всё же посидеть в трактире?..
Спросит чаю. Сядет у окна.*

*Не минуют тёмные напасти —
Бьёт судьба как будто наобум.
Есть расчёт в любой безумной страсти,
Безрассуден самый трезвый ум.*

*И поди же, предугадай попробуй,
Где и чья прольётся завтра кровь
В миг, когда соседствуют со злобой
Доброта и вечная любовь.*

*И попробуй быть скупым и кратким
В час труда, забвенья и гульбы,
В миг, когда вот-вот поймёшь загадки
Русской удивительной судьбы.*

*Всё так просто и необъяснимо,
И попробуй догадайся сам...
Дым табачный вьётся мимо, мимо,
Через форточку — прямо к небесам...*

Радуюсь стихам, как старым друзьям, и возвращаюсь к первоначальной мысли, вынесенной в заглавие моих высказываний о том, что поэзия Дмитрия Мизгулина призывает к спасению мира и души, к библейской истине: “Спасись сам и вокруг тебя спасутся другие”. Поэтическое пространство Дмитрия Мизгулина – тот самый спасительный ковчег, который неотступно, целенаправленно движется сквозь бушующее девятым валом житейское море, он призывно сияет всем нам, указывая сердечный вектор русского спасения – быть верными избранному пути, не расставаться с чистотой и глубиной русских смыслов, веками служивших верой и правдой русскому народу.

Что же мне ещё остаётся сказать? Сияй и не только услаждай тихим сумеречным пением, но и страстно воюй за духовный Арарат, за надёжный русский берег, светлый и непотопляемый Ковчег поэзии Дмитрия Мизгулина!